

Туняец, эмигрант, лауреат Нобелевской премии, гений, поэт с идеальной судьбой, «Пушкин XX века» — о том, как сегодня в России относятся к Иосифу Бродскому и его наследию, «Лента.ру» поговорила с литературоведом Виктором Куллэ.

«Лента.ру:» Почему Бродский сейчас — безусловный классик, а его ровесники — Вознесенский, Ахмадулина, Рождественский, Евтушенко, Айги, Кушнер, Рейн и другие — при всем уважении и почитании, занимают в нашем сознании все же какое-то иное место?

Куллэ: Законы складывания прижизненных и посмертных репутаций — дело достаточно тонкое.

Первое и главное: Бродский ввел в русскую поэзию иную систему отношений автора и текста. После этого писать, как прежде, нельзя. Некогда Луи Арагон сказал о Владимире Маяковском: можно хорошо к нему относиться, можно дурно, но он лег поперек литературы, как бревно, и обойти его нельзя. То же с Бродским. Весь современный поэтический язык создан отчасти Бродским, а отчасти поэтами Лианозовской школы (тем же Всеволодом Некрасовым). Но главное, что он отечественному стихотворчеству сделал прививку интонации английской поэзии.

Русская поэзия все-таки в большей части своей истории была поэзией чрезвычайно эмоциональной. Она не стыдилась, а иногда стремилась вызвать в читателе, слушателе голую эмоцию и сопереживание. Для

Бродского это был минус. Ему было важно сделать стихи максимально монотонными, приблизить их к звучанию маятника. Сохранилось довольно много записей чтения стихов уже зрелым Бродским — это действительно такое довольно нудное чтение. Кстати, такая манера читать — общая питерская черта. Тот же Александр Кушнер читает похоже. Не так, конечно, как Иосиф Александрович, но тоже избегает актерского чтения, свойственного шестидесятникам.

Правда, надо сказать, что люди, которые слышали чтение раннего Бродского, утверждают, что это была какая-то невероятная псалмодическая вокабула. В те времена было два стихотворца, во время выступления которых женщины буквально впадали в экстаз: это юный Бродский и Губанов. И никакой Евтушенко и прочие шестидесятники рядом не стояли.

Только интонация?

Нет, конечно. Второй важный момент: как бы высокопарно это ни звучало — масштаб личности.

Известна история про то, как Бродский в 1961 году пришел к Ахматовой. Юный мальчик, пишущий еще довольно посредственные стихи. Он не знал, что Ахматова жива, не знал ее стихов — слышал что-то про перепутанные перчатки и больше ничего. И вот он видит эту величественную матрону. Она его спрашивает: «Иосиф, что делать дальше, если вы знаете все тропы, все рифмы, все возможные интонационные ходы своего языка, куда двигаться?» И мальчик смотрит на великую Анну Андреевну и произносит эпохальную фразу: «Но ведь остается еще величие замысла». Он не играл в бисер — он двигал глыбы. «Исаак и Авраам», «Горбунов и Горчаков» — это же все глыбы. На исходе жизни в одном из интервью он говорил, что главное, о чем он сокрушается — что не написал собственной «Божественной комедии». Это и есть величие замысла. Ему было, что сказать, в отличие от большинства стихотворцев.

Фото: University of Michigan

Бродский в Мичиганском университете, 1972 год

Или вот еще Яков Гордин вспоминает: Иосиф как-то пришел в университет и ждал, пока освободятся его друзья. Сидит в аудитории на какой-то литературной лекции — что-то о роли партийности в литературе. На коленях самиздатская перепечатка книжки Троцкого «Литература и революция». Все запретное было лакомым, и Троцкий, которого сейчас ни один вменяемый человек читать не будет, ходил на руках параллельно с Бердяевым. Партийный лектор что-то говорит. Вдруг Бродский поднимает руку и произносит: «Знаете, замечательная мысль. Вы практически дословно цитируете книгу Троцкого "Литература и революция"». И зачитывает оттуда аналогичный пассаж. Караул! Но делал это Бродский не эпатажа ради. Он был не антисистемный, а внесистемный. А это для любой системы опасней. Есть старая шутка, которую приписывают то Бродскому, то Найману, то Довлатову: «После советских я больше всего не люблю антисоветских. Одинаковые они какие-то».

Есть мнение, что иные классики XX века не стали бы классиками, если бы не конфликт с советской властью и эмиграция.

Бродский прожил практически идеальную судьбу поэта. То есть юноша, вступивший в конфликт с системой, получивший благословение

главного из живых классиков того времени, ссылка, несчастная преданная любовь, которой он потом четверть века писал стихи...

Но одинок он в это время все же не был...

Но каждый год Бродский писал стихи на день рождения Марины Басмановой. То есть это была настоящая незажившая боль, которая длилась четверть века. И потом, когда надо было с ней попрощаться и вступить в какую-то следующую жизнь, появились эти довольно страшные стихи: «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером // подышать свежим воздухом, веющим с океана». Про это стихотворение ему друзья говорили: ты Марине пошли, а печатать его не надо — она ответить не может. Он побледнел, порозовел и сказал, что это должно быть обязательно опубликовано. Ему нужно было поставить точку, и он ее поставил. Для того, чтобы всерьез войти во что-то иное.

Марина Басманова

Фото: shanti.virginia.edu

Честь и хвала Марине Басмановой за то, что все это время она хранит молчание. На фоне безумных мемуаров Дмитрия Бобышева, который обвиняет ее во всем и ведет себя совершенно недостойно. Тем более что никто его ни о чем не спрашивает.

Так вот судьба поэта. Вопрос на суде: «Кто вам сказал, что вы поэт?» и ответ Бродского: «Я думаю, что это от Бога», — вероятно, известны в мире больше, чем любое из стихов Иосифа Александровича. Но он не стал делать капитала на этом. Это важно. Рассорился с Эткингом, который собирал материалы для книги о процессе. Никогда об этом не говорил ни в одном интервью. Не любил, чтобы из него делали страдальца. И потом уже в зрелые годы, выступая перед американскими выпускниками, говорил, что самое главное — не позволить навязать себе статус жертвы.

В отличие от многих политических эмигрантов.

Все эмигранты делали своей профессией утраченное отечество, воевали с советской властью и т.д. — это был гарантированный кусок хлеба. Бродский категорически отказывается от этого. Он идет преподавать, осваивает язык, уезжает в Мичиган и живет практически в стерильном одиночестве несколько лет.

Иосиф Бродский перед отлетом
Фото: М. И. Мильчик / br00.narod.ru

Он не любил советскую власть, но делать профессию из борьбы с ней не хотел. Более того, он говорил: все лучшее, что есть во мне, я получил благодаря родине. И дословная цитата из эссе «Писатель — одинокий путешественник» в «Нью-Йорк Таймс»: «И я совершенно не понимаю, почему от меня ждут, а иные даже требуют, чтобы я мазал ворота дома дегтем». Этим он резко выломился из всей эмиграции. Более того, этим в какой-то степени обусловлен его успех на Западе.

Я сам провожал друзей в эмиграцию, я помню эти прощания. Это было как смерть, билет в один конец. Мы понимали, что не увидимся никогда. Никто же не знал, что рухнет режим. И Бродский, уехав туда, честно сказал: никакой ностальгии, надо начинать новую жизнь. И все было, как в тех стихах: «Забыть одну жизнь — человеку нужна как минимум еще одна жизнь. И я эту долю прожил». Он честно попытался включиться в мир Запада и включился успешней, чем кто бы то ни было. Освоил английский. Его английская эссеистика — одно из вершинных достижений англо-саксонской литературы новейшего времени. Недаром еще до всякого Нобеля она получила премию английской Ассоциации

литературных критиков. Просто за глубину мысли, широту словаря. Он стал первым поэтом-лауреатом США. И в конце своей недолгой жизни — улыбка судьбы, новая любовь, рождение дочери и хоть несколько лет нового счастья. Такой утешительный приз. Со стороны все это выглядит для многих как идеальная судьба поэта.

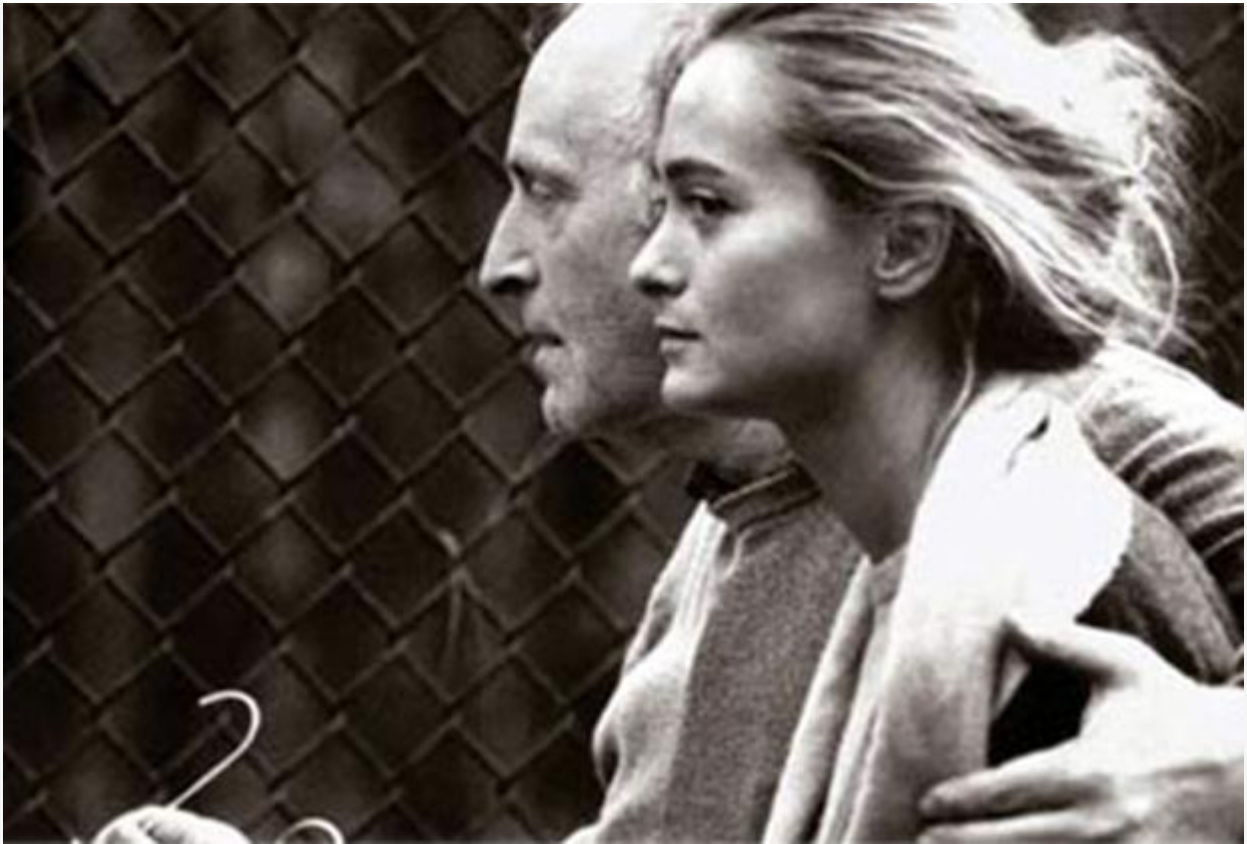

Фото: М.Барышников / Wikipedia

Бродский с женой Марией

Было множество людей, которые пытались строить жизнь под Бродского. Все поколение дворников и сторожей — тоже восходит к тому же Бродскому.

Своего рода «проклятие Бродского». Мало кто из поэтов породил такое количество подражателей-графоманов.

Бродский, как всякий великий стихотворец, не только открыл дверь куда-то, но и практически ее захлопнул. Напрямую следовать Бродскому, как это делает Херсонский или кто-то еще, бессмысленно. Искусство — это борьба со смертью. Когда человек живет в чужой интонации — Бродского ли, Рубцова или Пригова — он работает не на свое бессмертие, а на бессмертие того персонажа, которому подражает. Но это осмыслено на начальном этапе, когда ты просто учишься. Бродским нужно переболеть, как оспой, что с большей частью молодых поэтов и происходит. Если переболеешь и приобретешь иммунитет — значит, чего-то стоишь.

Кого из переболевших можно было бы назвать наследниками Бродского?

Великого и, увы, покойного, Леву Лосева, который начинал неимоверно ярко и сильно. Потом надолго замолчал. Ему казалось бессмысленным писать стихи, когда на свете есть Бродский, в которого он просто влюбился как в поэта. И в том возрасте, когда люди уже «завязывают» со стихотворчеством, он начал писать потрясающие стихи. В какой-то степени Бродский и Лосев — две стороны одной медали. Если Иосиф Александрович — поэт центробежный, то есть он жил за счет какой-то внешней экспансии: прозаизации поэзии, включения каких-то других культурных пластов и так далее, то Лев Владимирович как раз, переболев Бродским на самой ранней стадии, стал копать вглубь, восстанавливать смыслы корнесловия, работать с хлебниковским наследием, обэриутским.

Откуда взялся этот странный запрет Иосифа Бродского на написание его биографии?

Это заветная мысль Бродского, которую он немного собезьянничал у Уистена Одена. Тот тоже запретил писать биографию. Тем не менее сейчас, насколько я знаю, существует уже около дюжины оденовских биографий, включая книги типа *Auden in Love* и так далее.

Излюбленный тезис Бродского, который он развивал, преподавая студентам, сводится к тому, что биографические обстоятельства создания произведения вообще не важны. На мой вкус утверждение довольно спорное.

Надо сказать, что Бродский, как всякий Близнец, мог в течение 10 минут выдать две противоречащие друг другу тезы. Например, он как-то сказал, что только поэт сам может составить свое избранное. По этой причине на те сборники, которые при жизни Иосифа Александровича были составлены не им самим, а Эдуардом Безносовым, Владимиром Уфляндом, кем-то еще — и одобрены автором — они перепечатываются. Иных избранных не выходит.

А что сейчас происходит с академическим собранием сочинений Бродского?

Насколько мне известно, дела обстоят так. Фонд Бродского сделал великую вещь: полностью оцифровал американский архив (за исключением личных документов), собрал все, что возможно, из частных рук и скопировал архив, который находится в питерской Публичке (что Яков Гордин сохранил после смерти отца Бродского). Теперь по обе

стороны Атлантики есть полный корпус архива нашего героя, и люди могут с ним спокойно работать.

Ситуация же с собранием сложная. Что касается ранних вещей — так называемых ювенилий, которые Бродский называл киндергартеном — это гигантский объем текстов, тысячи строк.

Так ведь на то и академическое собрание сочинений, чтобы в нем были опубликованы все тексты...

Давайте приведем пример. Жил на свете замечательный поэт Борис Абрамович Слуцкий. Он не мог какие-то стихи публиковать, потому что была советская власть. И он совал их себе в ящик стола. Туда же он совал стихи не очень удачные, которые потом, возможно, он бы доработал. Они лежали вперемежку. Только сам Слуцкий знал, что из этого чего стоит. Но поэт умер. И его преданный друг Юрий Болдырев — из наилучших побуждений — взял и сделал трехтомник, куда было втиснуто все, что лежало в ящиках стола. В результате блистательного поэта Слуцкого в нашей литературе практически не стало — потому что человек, взявший в руки трехтомник, утонет, добираясь к жемчужинам через залежи нежемчуга. То же самое может произойти с Бродским. Тем более что объем этого превышает все то, что считается каноническим корпусом Бродского, раза в два. Зачем?

Потому что академическое собрание предназначено для работы литературоведов, а не вольного чтения на диване.

Бродский запретил это печатать. Как минимум мы должны уважать его волю. Другое дело, что не стоит делать это буквально. Но должен быть найден компромисс. В свое время, когда действовал запрет Бродского на написание биографии, ко мне пришел человек из ЖЗЛ. Сначала он меня просил написать. Когда я отказался, он сказал, что обратится к Гордину, Рейну и далее по списку. Я возразил, что все ему ответят так же. Тогда он посмотрел на меня хитро и спросил: «А вы понимаете, что мы просто найдем студента Литинститута, и он на основании уже имеющихся мемуаров и публикаций сляпает что-то, и мы это напечатаем?».

Александр Галич, Галина Вишневская, Михаил Барышников, Мстислав Ростропович, Иосиф Бродский
Фото: Л.Лубяницкий / br00.narod.ru

Но в результате-то в ЖЗЛ вышла прекрасная книга Льва Лосева о Бродском.

Мне как раз в это время попался в руки ЖЗЛ-ский том «Катулл». И там был пассаж вроде: «Катулл смотрел в окно и, скрипя зубами, представлял себе Лесбию в объятиях сенатора». Я попытался представить аналогичный пассаж про Иосифа в ссылке — и волосы встали дыбом. Я позвонил в Нью-Йорк, передал этот разговор. Мы стали думать, что делать. Первой идеей было написать четкую хронологию жизни Бродского и заполнить ее кусками интервью, автобиографическими фрагментами стихов и так далее. Я даже приступил к работе. А потом было принято решение, что Леша Лосев напишет именно творческую биографию — подобие научной монографии. И Лев Владимирович сделал это блистательно.

А что сейчас происходит с многострадальным музеем Бродского в доме Мурузи, где он жил? Знаменитые «полторы комнаты», коммуналка, которую никак не могли расселить, чтобы превратить в музей?

Там была проблема с одинокой пожилой женщиной, которая никак не хотела переезжать. Для нее этот переезд означал крушение всего мира. Кроме того, по закону ей должны были предоставить квартиру в том же

районе, а это безумные деньги. В итоге к ее жилищу проделали отдельный вход, и это всех устроило. 24 мая, в день 75-летия, состоится открытие музея. Пока, как я понимаю, символическое. Ведь создание музея — огромный труд. Но дело сдвинулось с мертвой точки. Теперь то, что хранилось до сих пор в Фонтанном доме, будет туда перевезено, будет организовано музейное пространство. Это ведь не только музей Бродского — музей неподцензурного быта питерской интеллигенции тех фантастических лет. Чтобы посетители почувствовали достоверный вкус времени, там планируется сохранить все прелести и ужасы советских коммуналок.

Беседовала Наталья Кочеткова